

Любовь Первушина

Минский государственный лингвистический университет

ORCID: 0000-0001-7390-5079

Особенности репрезентации литературы постсоветской славянской эмиграции в США

Последние десятилетия XX – начала XXI века представляют особый исторический период, который характеризуется значительными изменениями культурной картины мира, углублением мировоззренческих поисков, осмыслением вызовов современной цивилизации, расширением философских, социально-политических, эстетических и художественных концепций. Литературный процесс США отличается быстрой сменой эстетических настроений, многогранностью и сложностью, разновекторностью и многоуровневостью. Он не поддается четкой систематизации, классификации и схематизации, так как «на первый план выходит множество литературных явлений в общем и эстетическом пространстве»¹. Все очевидней обозначает себя в американском художественном поле дискурс культурного разнообразия, основанный на этно-расовом многообразии, полилингвизме и новом мультикультурном опыте. Под влиянием растущего этнического плюрализма все более фрагментированной, децентрализованной и многовекторной становится литература США. Она представляет собой

¹ Б.А. Гиленсон, *История литературы США*, Академия, Москва 2003, с. 26.

яркое многонациональное «лоскутное одеяло» (*patchwork*), каждый сегмент которого содержит специфические элементы и национально-этнического, и универсального.

Развитие многонациональной, поликультурной и многоязычной литературы США, изначально содержавшей в себе богатый пласт культурного разнообразия, во многом осуществляется под влиянием эмиграции. Эмиграция, создавшая в XX веке «новый антропологический тип – эмигрантского человека (*homo emigranticus*)»², продолжает формировать региональные и транснациональные мосты между культурами, устанавливая тесные переклички между ними. Сегодня эмиграция рассматривается как неотъемлемая часть существования глобализованного мира и является «важнейшим индикатором этнополитических и социальных процессов, происходящих в обществе»³. Мощные эмиграционные волны во многом определяют ход исторических тенденций, обуславливают развитие локальных территорий, стран и, в итоге, значимых цивилизационных культурных направлений.

Важным сегментом мультикультурного общеэстетического поля США является художественная территории, представленная этническими литературами славянской эмиграции. Они являются феноменом, живущим «по своим законам внутри литературы национальной»⁴, добавляют в нее свое культурное своеобразие, вводят историю и традиции славянского мира, представляют свой неповторимый этно-национальный опыт, а также идеи, образы, архетипы, ностальгические мотивы, мировоззренческие установки авторов. Факт присутствия литератур славянской эмиграции в общехудожественном

² О.Р. Демидова, *Эмиграция как проблема философии культуры*, «Вестник Ленинградского государственного университета им. Пушкина. Серия Философия» 2015, № 3, с. 81.

³ Л.А. Васильева, *Вынужденная миграция в Республике Беларусь: теоретико-правовые и организационные аспекты*, Академия МВД РБ, Минск 2000, с. 1.

⁴ Т.В. Якушкина, *Что такое итало-американская литература, или этническая литература как проект*, «Вестник Череповецкого государственного университета. Филологические науки» 2015, № 1, с. 60.

поле США детерминирован определенными историческими, социокультурными, политическими, временными и территориальными условиями.

Новым и малоизученным феноменом является дискурсивная территория, сформированная писателями постсоветской русской эмиграции в США. Она же – литература четвертой волны русской эмиграции в США – связана с усиливающимися процессами глобализации, интеграции и установлением транснациональных культурных связей⁵. В ней представлены творческие поиски талантливых авторов русской диаспоры в США.

Известно, что феномен литературы постсоветской славянской эмиграции в целом и русской литературы в частности значительно отличается от литературы предшествующих волн. Как считает исследователь Юлия Матвеева, первая волна так называемой белой эмиграции была «наиболее многочисленной, наиболее устремленной к реконструкции русской жизни со всеми ее общественно-значимыми институтами культуры, социальной и даже политической жизнью»⁶. Писатели второй и третьей волн эмиграции «в большинстве своем исповедовали пафос активного противостояния и обличения советского строя, жили отталкиванием от всего советского, хотя содержательно и художественно с этим „советским“ были кровно и порой нерасторжимо связаны»⁷. По мнению известного писателя-эмигранта Александра Зиновьева,

⁵ Количество «волн» дискуссионно. Некоторые исследователи рассматривают четыре волны эмиграции: они не выделяют в качестве «волны» дореволюционный период эмиграции, а отсчет волнам начинают с периода «белой эмиграции» (Матвеева, Александр Николукин, Максим Соколов и другие). Другие же ученые классифицируют дореволюционную трудовую эмиграцию в качестве «первой волны», таким образом выделяя пять волн эмиграции (Владимир Дмитренко). Мы придерживаемся классификации, в которой представлены четыре волны эмиграции.

⁶ Ю.В. Матвеева, *Русская литература зарубежья. Три волны эмиграции XX века*, Издательство Уральского университета, Екатеринбург 2019, с. 6.

⁷ *Ibidem*, с. 6.

в создании и функционировании данного литературного феномена в эмиграции принимали участие средства массовой информации, государственные институты, учреждения культуры, добровольные общества, университеты, издательства, большое число западных журналистов, [...] а также туристы, дипломаты, студенты и т.д.⁸

Феномен литературы эмиграции третьей волны занял заметное место в культурной жизни США и западных стран, принявших эмигрантов и привлек внимание миллионов читателей по всему миру. Он достиг своего высшего пика в конце 1970-х и в первой половине 1980-х годов.

Литература же четвертой волны русской эмиграции (с 1990-х годов) отражает авторскую репрезентацию современных процессов, вызванных, главным образом, экономическими причинами. Исследователь эмиграции Димитрина Лесневская акцентирует следующие черты многоликкой постсоветской русской эмиграции:

это «смешанная» эмиграция, главным образом – экономическая эмиграция, среди которой социологи и политические аналитики выделяют и новую волну политических эмигрантов. Она была вызвана дестабилизацией политической обстановки (провал августовского путча), экономическим кризисом, товарным дефицитом, демонтажем советской империи⁹.

Необходимо отметить изменения как содержательного компонента, так и идеологического наполнения литературы постсоветской эмиграции по сравнению с предшествующими волнами. На рубеже XX–XXI веков литературная эмиграция претерпела значительную трансформацию. Согласно исследованиям Александра Зеленина, «перестроечные годы XX века радикально изменили отношение к эмиграции и наполнили это понятие новым смыслом, причем прямо противоположным: из

⁸ А. Zinovev, *Russian-Language Literature in Emigration*, “Canadian-American Slavic Studies” 1999, № 33, с. 265.

⁹ Д. Лесневская, *Русское зарубежье в эпоху глобализации*, [в:] *Руска дијаспора и словенски свет. Зборник радова*, уред. П. Буњак, Славистичко друштво Србије, Београд 2013, с. 27.

врагов народа эмигранты превратились в патриотов»¹⁰. Поэтому «на эмиграцию стали смотреть как на спасительную силу в духовном возрождении страны»¹¹. Следовательно, в современной литературе потеряли остроту и актуальность темы анти-коммунизма и анти-советизма, а с размытием физических границ и разрушением «железного занавеса» ушли в прошлое строгие цензурные запреты. По убеждению писателя, литературоведа, журналиста Александра Гениса, «исчез идеологический „враг“, растворился эксплуатируемый многими ореол писателя „борца за свободу“, „непечатаемого таланта и нонконформиста“»¹². В трудах Инны Минеевой, Гениса, Зиновьева, Василия Аксенова, Андрея Синявского, Ольги Матич, Карла Проффера и других отмечалось, что «в постперестроечный период проведенная еще в советское время идеологическая, этическая и эстетическая граница между литературой метрополии и литературой „диаспоры“ себя изжила»¹³. Очевидным стало «преодоление противостояния между литературой метрополии и литературой эмиграции и „выравнивание температур“ между центром (Россия) и периферией (эмиграция)»¹⁴. Как историческое явление исчезли такие формы публикационной активности, как самиздат и тамиздат. Литература постсоветской русской эмиграции в США стала представлять собой «специфический конструкт „транскультурного генезиса“ и совершенно особое явление [...], органически связанное с феноменом эмигрантской культуры, ибо сливаясь с нею, оно образует единое целое литературы русского зарубежья»¹⁵. Литература эмиграции сегодня рассматривается как важная составная часть единой русской литературы.

¹⁰ И.Н. Минеева, *Феномен эмиграции в русской культуре XX–XXI вв.: генезис, семантика, интерпретации*, [в:] *Руска дијаспора и словенски свет...*, с. 42.

¹¹ Ibidem.

¹² А. Генис, *Новый Архипелаг, или Конец эмигрантской литературы*, «Континент» 1999, № 102, <https://magazines.gorky.media/continent/1999/102/novyj-arhipelag-ili-konecz-emigrantskoj-literatury.html> [доступ: 02.11.2019].

¹³ И.Н. Минеева, *op. cit.*, с. 42.

¹⁴ А. Генис, *op. cit.*, с. 403.

¹⁵ Ю.В. Матвеева, *op. cit.*, с. 3–4.

Как общеизвестно, в настоящее время понятие «эмиграция» употребляется

не в политическом, а скорее в национальном, этническом, культурном контекстах в двух значениях: 1) оставлять, покидать страну, какое-либо место и 2) процесс отделения себя от Дома, самого себя, традиции, бытия, культуры, религии¹⁶.

Теоретик литературы и историк Любовь Бугаева считает, что сегодня эмиграцию определяют в более широком смысле как «одну из форм отчуждения наряду с экспатриацией, номадизмом, туризмом»¹⁷. Теоретик выделяет с учетом мирового опыта несколько типов писателей: писатель-эмигрант (вынужденно покинувший свой дом), писатель-экспатриант (добровольно покинувший свой дом, имеющий возможность вернуться на родину, не считающий себя изгнанником), писатель-номад (свободный от влияния национальности, государства, партии, временного сообщества, воплощающий идею вечного передвижения) и писатель-турист (искатель новых впечатлений). Для всех групп общим является перемещение и отчуждение от доминантного влияния какой-либо одной общественной группы или одного движения. Однако, подчеркивает Бугаева, «только в случае эмигранта – экспатрианта отчуждение связано с особым переживанием чувства утраты любимого объекта, отсутствующим у номада и туриста»¹⁸, с определенной тональностью, художественной модальностью, с интенсивным осмыслением утраты родины, страны, дома. Несмотря на радикальное изменение эстетического поля современной литературы эмиграции, «проблема неузнаваемости, вечной иностранщины осталась. С открывшимися границами заново слышен и классический мотив российского изгнан-

¹⁶ И.Н. Минеева, *op. cit.*, с. 48.

¹⁷ Л.Д. Бугаева, *Мифология эмиграции: геополитика и поэтика*, [в:] *За пределами. Интеллектуальная эмиграция в русской культуре XX века*, ed. L. Bugaeva, E. Hausbacher, Peter Lang, Frankfurt am Mein 2006, с. 53–54.

¹⁸ *Ibidem*, с. 54.

ничества: ощущение бездомности у себя на родине и собственной чуждости за границей»¹⁹.

Следовательно, литература эмиграции как литературный феномен может и будет развиваться в новых условиях организации глобализованного общества. Литература эмиграции, таким образом, может быть определена как гибкая идеологически-художественная система, отражающая социально-экономические, политические, культурные, эстетические особенности данного современного исторического периода. Она фиксирует интенсивные процессы географического перемещения авторов (и их героев) и является особым транснациональным явлением; она связана с геополитическими кризисами и сопровождает как глубоко личные, психологические, так и масштабные исторические потрясения, конфликты, войны, социальные и культурные катастрофы. Литература эмиграции связана «с философским явлением отчуждения – процессом отделения человека от бытия, культуры, религии, самого себя, утратой смысла, „переоткрытием“ действительности»²⁰. Писатель-эмигрант существует между двух (и более) миров, ищет философский смысл жизни без разрыва с родной культурной традицией, видит свою задачу в сохранении родного языка и культуры при интенсивных кросс-культурных перекличках. В творчестве автора-эмигранта прямо или опосредованно присутствуют ностальгические мотивы по ушедшему прошлому, по социальной и исторической справедливости, по лучшему будущему (так как ностальгия может быть не только ретроспективной, но и перспективной, то есть обращенной в будущее).

Постсоветская литература русской эмиграции в США – корпус произведений, созданных в последние десятилетия как в принимающей стране, так и в России. Работают в США поэты, прозаики, переводчики, сценаристы. Назовем лишь некоторые имена: Татьяна Ананич, Лев Бердников, Елена Дубровина, Геннадий Кацов, Нина Косман, Елена Литинская, Андрей Любимов, Зоя Межирова, Александр Мотт, Хельга

¹⁹ И.Н. Минеева, *op. cit.*, с. 44.

²⁰ Л.Д. Бугаева, *op. cit.*, с. 53–54.

Ольшванг, Наталья Резник, Григорий Стариковский, Елена Улановская, Анна Урюпина, Сергей Шабалин, Вадим Ярмолинец и многие другие авторы. Русская проза XX века в англоязычных изданиях «нередко представлена петербурженкой Татьяной э»²¹.

Творчество постсоветской русской литературы в США – очень молодое направление. Данный пласт русско-американской словесности

еще практически не известен ни в контексте русской, ни в контексте американской литературы. Действительно, есть и попытки американских ученых и критиков исследовать творчество современных писателей русской эмиграции. Однако они весьма скромные единичные, но все-таки...²²

Достаточно полно представлено творчество группы эмигрантов четвертой волны, покинувших родину в 1980–1990-е годы, которые принадлежат к Нью-Йоркской школе. Литературовед Евгения Бутенина в ряде работ рассматривает литературные поиски данной группы писателей и отмечает:

иммигранты четвертой волны, покинувшие родину в 1980–90-х гг., нередко еще в детском возрасте, вместе с родителями, воспринимают транслингвальный (и экзистенциальный) переход не так драматично. Многие современные русско-американские писатели – Л. Вапняр, Г. Штейнгатт, И. Рейн, К. Гессен, М. Идов, А. Улич – живут в Нью-Йорке, подчеркивают свою даже не русско-американскую, а нью-йоркскую творческую идентичность. Многие из них – профессиональные филологи, но в отличие от своих предшественников, они получили образование в США и, таким образом, приобрели опыт изучения русской литературы с инокультурной точки зрения²³.

²¹ Е.М. Бутенина, «Чужое слово проступает...»: *Рецепция русской классики в прозе США второй половины XX – начала XXI века*, Флинта, Москва 2018, с. 98.

²² Переписка с Мариной Адамович, главным редактором «Нового журнала» с 2005 г. (литературно-публицистического журнала русского зарубежья), декабрь 2019 – январь 2020 (личный архив Л. Первушиной).

²³ Е.М. Бутенина, *Нью-Йоркский текст современной русско-американской прозы*, „Studia Litterarum” 2019, т. 4, № 3, с. 161.

Большое значение в творчестве авторов Нью-Йоркской школы приобретают эксперименты, например: «реакцентуация русского литературного канона в прозе США»²⁴, а также перенесение многих ключевых черт петербургского текста в нью-йоркский:

это (мета)литературность, театральность, символическая топика, контрастность, что намечает гибридизацию этих двух направлений. Для современной русско-американской прозы также характерна «трансплантация» «маленького лишнего человека» в инокультурную среду. Благодаря гибридной натуре «маленький лишний человек» как медиатор-трикстер в мифологии, оказывается жизнеустойчивым персонажем и формирует межкультурное текстуальное пространство²⁵.

Для художественных поисков данных авторов очевидна литературная рецепция шедевров русской классики, постмодернистские стратегии образования текста, исповедальность, пристальное внимание к образованию новой субъективности и другие художественные приемы. Эти писатели создают особый петербургский нью-йоркский текст современной русско-американской прозы. Однако важно отметить, что данная плодотворно работающая группа писателей не отражает в полной мере чувства современного эмигранта/экспатрианта, настроение и тональность его души, переживание потери родины, отдаления от дома. В художественных исканиях данных авторов редко присутствует ностальгия и попытки глубоко осмыслить свою эмигрантскую идентичность. Некоторые писатели «избегают традиционных иммигрантских сюжетов или пародируют их, что свойственно американской традиции изображения Нью-Йорка»²⁶.

В контексте литературы постсоветской русской эмиграции представляется важным особо отметить литературные поиски Александара Петрова (1938) – выдающегося сербского и русского писателя-эмигранта (романиста и поэта), в которых достаточно полно представлены черты

²⁴ Ibidem, с. 105.

²⁵ Ibidem, с. 104.

²⁶ Ibidem.

современной литературы эмиграции. Творчество Петрова – культурно-исторический и литературный феномен. Оно возникло на пересечении социальных, исторических, культурных, литературных, лингвистических факторов, а также векторов вынужденной эмиграции и стало знаковым явлением литературы XX – начала XXI веков. Петров родился в Сербии в 1938 году в семье русских эмигрантов, которые вынуждены были эмигрировать из России в Югославию по политическим причинам. В 1991 году писатель переехал в США в результате процессов, приведших к развалу Югославии. Это была вынужденно-добровольная эмиграция, типичная для постсоветской историко-культурной ситуации. В новой стране, принявшей его, писатель имеет возможность жить и работать; гражданство США он не принял. С 1993 года Петров преподает в Питтсбургском университете. С 1993 года – он редактор газеты «The American Srbobran». Он также является профессором нескольких университетов.

Петров – автор четырех романов *Как золото в огне* (*Like Gold in Fire*, 1998), *Турецкая Вена* (*Turkish Vienna*, 2000), *Пещера льва* (*The Lion's Cave*, 2004), *Мемороман* (на сербском, 2018). Его перу принадлежат стихи на русском, сербском, английском языках, он занимается автопереводом. Ярким примером его англоязычной поэзии является сборник стихов *Lady in an Empty Dress* (London, 1990). Поэзия Петрова переводилась выдающимися поэтами, среди которых Чарльз Симич, Марк Странд, Ричард Бернс, Муза Павлова и другие. Его стихи включены во многие поэтические антологии и переведены более чем на 30 языков мира. Петров – лауреат государственных, профессиональных и литературных премий в Сербии и за рубежом. Он возглавлял Отдел истории литературы Института Литературы и Искусств в Белграде, был председателем Союза Писателей Сербии (1986–1988). Петров – известный ученый. В центре его научной работы – история русской эмиграции и эмигрантской прессы, теоретические проблемы истории и теории литературы.

Петров – составитель двуязычной *Антологии русской поэзии XVII–XX веков* (*От Симеона Полоцкого до Иосифа Бродского*, 1977). В 2011 году

этот труд был переиздан на русском языке, в него было включено творчество многих современных авторов. Иосиф Бродский, отмечая усилия Петрова по созданию данной книги, в частности, писал:

Наиболее полную на сегодняшний день антологию русской поэзии составил именно этот человек, родившийся в Югославии, приглашенный профессор нескольких университетов, *literata* в классическом смысле этого слова. Будучи сам поэтом значительной силы, Петров имеет возможность подойти к теме с проницательностью инсайдера²⁷.

Объектом нашего рассмотрения является сборник поэзии Петрова *Тут и там*, опубликованный в 2019 году. В нем обобщаются основные черты творчества писателя и выявляются определенные особенности литературы постсоветской эмиграции. Как автор-эмигрант, Петров прямо или опосредованно ставит ряд вопросов онтологического свойства, осмысливает их и определяет свое место в системе культурных и литературных координат. Так, философским вопросом, который решает писатель-эмигрант, является вопрос глубоко индивидуального восприятия «своего» и «далекого», родного дома и изгнания. Отношение к родине и к эмиграции выявляется через четко выстроенную систему взглядов творческой личности на мир, на себя и на свое место в мире. Мировоззренческая проблема национального/универсального решается в творчестве Петрова многоуровнево: всегда сохраняются важнейшие параметры национальной идентичности автора, содержащей два кода идентичности – сербского и русского, и постоянно восстанавливается культурно-историческая память. Сущностью кода идентичности является способность личности концентрировать содержание смыслов и ценностей культуры.

Примером репрезентации двойного кода идентичности является цикл стихов *Параллельное измерение* из сборника *Тут и Там*. В произведении *В русской церкви в Белграде*, наполненном открытым, внешним автобиографизмом, выявляются факторы, оказывающие влияние на

²⁷ А. Петров, *Тут и там*, Русский Гулливер, Москва 2019, с. 153.

становление внутреннего мира лирического героя – будущего писателя. Они включают меняющийся контекст жизни в связи с эмиграцией в Сербию и значимость историко-культурных, социальных, национальных, расовых, этнических, лингвистических векторов, которые определили возникновение сложной би-этнической (*bi-ethnic identity*) – гибкой, меняющейся адаптивной национальной идентичности (*flexible identity*) эмигранта, размывающей границы между бинарными оппозициями «свой–чужой», «близкое–далекое», «Родина–чужбина». Россия и Сербия воспринимаются лирическим героем как одно общее пространство родины, объединенное Православием, близостью славянских культур и языков. Подчеркивается многовекторная идентичность и субъективность личности: по факту рождения лирический герой – серб, по наследственности и духу – русский.

В стихах *Странники, Страна, Железо и бархат, Кринка, Параллельное измерение* поднимаются вопросы культурно-исторического развития, подлинного смысла жизни человека, значимости семейных уз, эволюции сознания личности. Духовно-нравственные коннотации сосредоточены в емких, визуально-чувственных образах. Автор посвящает свои произведения отцу, матери, супруге. Восстанавливается история семьи лирического героя и значимые события прошлого, отдается дань уважения его близким, родителям и супруге. Использование реальных фактов прошлого и творческая трансформация истории в автобиографические формы позволяют автору более глубоко осознать собственное бытие и жизнь своей семьи в контексте истории.

В цикле произведений *Эх-на! Родная земля* художественным взором автора охвачены просторы России. Природные символы и архетипы, инкорпорированные в ткань текста, способствуют восстановлению осознания мироощущения, идущего от глубинных народных истоков. Воссоздание топонимов, значимых для автора (живописные места России и Калмыкии, исторические Соловки и другие), ссылки на ономастические реалии и раскрытие их содержания способствуют формированию эффекта правдоподобия действия, созданию определенной атмосферы ностальгии и восприятию поэтической среды как реальности. В твор-

честве Петрова сохраняется и постоянно воспроизводится духовная связь с Россией и Сербией, со славянской культурой через чувственно окрашенные образы и реалии славянского мира, обращение к прошлому и воссоздание значимых для автора картин жизни.

В то же время, творчество Петрова демонстрирует активное авторское проникновение в американскую культуру, выстраивание межличностных и культурных связей и переключек между Старым и Новым Светом, между Сербией, Россией и США, так как эмигрант, так или иначе, вынужден в своем творчестве сопрягать «две и более культурные системы, культуру настоящего и будущего, (то есть культуру новой страны и культуру памяти) в одну цельную модель»²⁸. Такая многоуровневая, сложная, многосоставная гибридная идентичность, основанная на транснациональных переключках культур, наиболее четко проявляет себя в стихотворении *Страна* (с авторским указанием *Белград–Москва–Питтсбург*).

Более того, в творчестве Петрова очевиден дальнейший процесс раскрытия границ между культурами, а посему индивидуальный опыт личности автора и его лирических героев вводится в широкий контекст глобализованного мира для репрезентации процессов, охватывающих современную цивилизацию. Автор соединяет различные пласты современного общества и представляет взаимодействие культур на двух континентах конкретно в произведениях *Тут* и *Там*. А космополитическая идентичность лирического героя выявляется в стихотворении *Поэт* – «у поэта кругосветного, жажда авантюры неутолима»²⁹. В данных произведениях (с открытым, очевидным, внешним автобиографизмом) прочитываются кросс-культурные связи, космополитические мотивы, но в то же время акцентируется значимость исторических корней, национальной идентичности личности.

²⁸ C. Wong Sau-Ling, *Immigrant Autobiography: Some Questions of Definition and Approach*, [в:] *American Biography: Retrospect and Prospect*, ed. by P.J. Eakin, University of Wisconsin Press, Wisconsin 1991, с. 144.

²⁹ А. Петров, *op. cit.*, с. 19.

Гибкая гибридная идентичность в произведениях Петрова отражает процессы, происходящие в мировом глобализованном обществе. Так, по мнению Бет Холмгрен – известной исследовательницы славянской культуры в США, эмиграция в настоящее время

более не эквивалентна ассимиляции, ее результатом становится жизнь в двойном измерении, т.е. «смешанная/гибридная жизнь», предполагающая билингвизм восприятия, артикуляции идей и миропонимания. В этом наиболее удобном варианте эмиграции писатель не только способен сохранять в памяти Старый Свет, но и заново посещать и переживать его. Таким образом писатель следует безопасным курсом между Сциллой – ностальгией, охватывающей эмигранта, и Харибдой – отчуждением от своей родной культуры³⁰.

Необходимо отметить особый авторский способ переработки жизненного материала, при котором все события и эпизоды, исторические отсылки и события времени проявляются через сознание автора, через его личное восприятие. Сегодня отражение коллизий времени, эпохальные сдвиги, проблемы эмиграции и весь комплекс вопросов осуществляется *через внутренний мир человека*, через рефлексивное осмысление человеком его жизненных проблем: «Сегодня конфликты проявляют свою сущность преимущественно такими способами, когда постижение их возможно прежде всего через мир личности»³¹. Очевидно стремление Петрова включить весь свой жизненный опыт в процесс художественного осмысления.

В поэтической ткани представлена и субъективность автора – психологический и духовно-мыслительный аспект человеческой деятельности как проявление связи внутреннего мира личности и реальности. Субъективизация проявляется на всех уровнях творчества

³⁰ B. Holmgren, *Those Unsettling Slavs, or Theres No Place Like Home*, [в:] *Changing Representations of Minorities, East and West: Selected Essays*, ed. L.E. Smith, J. Rieder, University of Hawaii, Hawaii 1996, с. 99.

³¹ А. Зверев, *На острие иглы: из художественного опыта XX века*, Советский писатель, Москва 1989, с. 231.

Петрова (в мировоззренческих и эстетических установках, проблемно-тематическом комплексе, идеологических посылах) и реализует себя в емких стихах через чувственно воспринимаемую образную систему. Его субъективизм, как и авторское присутствие в поэзии, то выходит на первый план, то исчезает, то выявляется через автобиографическую саморепрезентацию и усиление уникально-персонального авторского присутствия, то подвергается процессам диффузии и растворяется в тексте.

Идеологический элемент является важной составной частью произведений Петрова. Значимые смысловые повторения мотивов, образов, архетипов актуализируют репрезентацию идеологических смыслов и систему культурных ценностей. Они и выявляют глубокую связь между художественными исканиями автора и идеологически-политической ситуацией в Сербии (в Югославии), Европе и США. Представлена художественная интерпретация некоторых исторических событий через образ Красной площади в стихах *Сон Красной площади*, *Девушка*, *Мальчик*, в пародийно-ироническом стихотворении *Красная кошка*, а также через переключки культур в произведениях *Дела небесные*, *Варшава*, *Иерусалим* и *Смерть Романовых*. Поэзия передает живое дыхание истории, раскрывает значимость исторического, литературного и культурного наследия для будущих поколений.

Одним из наиболее важных творческих приемов Петрова является *интертекстуальность*, которая выявляет или прячет субъективность писателя. Создание художественной ткани осуществляется через сложную систему взаимосвязей с литературными текстами, что позволяет мастеру слова репрезентировать свои идеи через «динамическое взаимодействие и пересечение разнообразных процессов и культур»³². Аллюзивные обертоны поэзии Петрова хорошо поддаются переводу, а культурно-исторические реалии объясняют авторское восприятие

³² S. Friedman, *Weaving: intertextuality and the (re)birth of the author*, [в:] *Influence and intertextuality in literary history*, ed. J. Clayton, E. Rothstein, University of Wisconsin Press, Madison 1991, с. 147.

событий прошлого. В текстах представлены цитаты и ссылки на многие произведения писателей различных эпох, что определяет создание многовекторного авторского стиля. Основными приемами, используемыми Петровым, являются аллюзии (заимствование определенных элементов претекста, по которым происходит их узнавание в тексте-реципиенте), краткие цитаты и атрибутированные эпиграфы, заглавия-ссылки на определенные реалии и авторские комментарии относительно писателей того или иного времени. Лексические переклички не имеют ведущего значения. Присутствуют не столько межтекстуальные созвучия, сколько глубокие культурно-исторические взаимопроникновения и взаимовлияния. Петров опирается на культурно-исторический многовековой опыт и сопоставляет свои идеи с ценностями, представленными в произведениях знаменитых авторов прошлого и настоящего.

Интертекстуальный диалог с современниками и предшественниками образует в сборнике поэзии *Тут и там* единое пространство культурной памяти и свидетельствует об интеллектуализации творческого процесса Петрова. Очевидны ссылки на творчество выдающихся писателей – Иосифа Бродского, Осипа Мандельштама, Марины Цветаевой, Елены Гуро, Эдгара По, Эмили Диккинсон, Эзры Паунда, Джона Донна и других. Таким образом автор обращается к новым изобразительным и выразительным возможностям, вводит в поэзию широкий социальный, исторический и культурно-литературный контекст. Интертекстуальные связи акцентируют значимость мировых литературных шедевров, русского авангарда и исканий авторов-модернистов для творческих установок Петрова. Шагаловский интертекст способствует созданию поэтических образов, парящих в небе и рвущихся за пределы обыденного, а сложные многоуровневые анималистические образы-символы (например, жар-птица, черная кошка, красная кошка, ночная бабочка, верблюжата Гуро³³ и образ верблюда, созданного Цветаевой) архетипизируются, приобретают вселенское, универсальное

³³ Очевидны интертекстуальные ссылки на сборник стихов Гуро *Небесные верблюжата* (1914).

звучание, свидетельствует о связи человека и мира, природы и универсума. Жизнь и смерть, радость и вселенская грусть, бытие человека и Божественное отразились в движении мысли поэта, который готов «[...] Как господин и как Господь велел – Нести свой крест по-божьи, по-верблюжьи»³⁴. Являясь аллюзивным кодом поэзии, анималистические образы-символы становятся глубоко инкорпорированными в субъективность автора и акцентируют значимость нравственных законов, тяжести бытия и долга поэта отражать правду жизни (произведения *Странники*, *Двухлунный верблюд*, *Девушка*, *Самец*, *Александр*, *Смерть*, *Жар-птица*, *Последняя четверть*).

Таким образом, с одной стороны, в творчестве Петрова используются художественные модели, которые, согласно известному теоретику постмодернизма Ихабу Хассану, отражают эпоху перехода к новому тысячелетию. Среди них

игровая тональность; неопределенность и имманентность; особая темпоральность – временная организация, или, скорее, – межвременная, многопространственная; лоскутность мышления и пестрая мозаика – игровая, трансгрессивная, нарушающая порядок или деконструктивная³⁵.

Автор проверяет и испытывает на прочность идеи предыдущих эпох, создает порой ироническое, пародийное рефлексивное восприятие действительности. Очевидна интеллектуализация творчества Петрова, репрезентация его идей на высоком уровне философского обобщения, а также отражение коллизий времени через сознание личности.

С другой стороны, творчество Петрова содержит определенные черты, характерные для эмигрантского письма, среди которых: особое ощущение родины, осмысление потери дома и радость его обретения; репрезентация национального самосознания через реконструкцию архетипа дома и образов Сербии и России; усиление роли культурно-исторической

³⁴ Цитируется произведение Марины Цветаевой *И вот, навьючив на верблюжий горб* (1917).

³⁵ I. Hassan, *The Postmodern Turn: Essays in Postmodern theory and culture*, Ohio State University Press, Ohio 1987, с. XV.

памяти и национально-культурного компонента в целом; выявление перекличек культур; присутствие как сербской, так и русской культур при исследовании реалий многоязычного общества США; четкое движение литературных поисков от монолингвизма к билингвизму, полилингвизму и транслингвизму; пристальное внимание к гибридной, многосторонней идентичности личности; фиксация изменений в структуре субъективности (внутреннем психологическом пласте идентичности личности); выявление особого типа вхождения писателя-эмигранта в культуру принимающих стран, в котором присутствуют и ностальгическая модель, и модель достаточно полной социально-культурной и языковой ассимиляции, и космополитическая модель, что способствует активному освоению разных культур и продуктивному инновационному творческому процессу, основанному на литературных традициях и достижениях прошлого.